

Степени отдаления

Эти заметки ну совсем несерьёзные, просто так, чтобы развлечься.

Есть такая занятная концепция под названием «*Шесть степеней отчуждения*» или ещё можно сказать «отдаления». По-английски она называется *Six degrees of separation*. Суть её в том, что любой человек отдалён от кого угодно на этой планете всего через несколько промежуточных знакомств, то есть степеней отдаления. Было подсчитано, что максимальное число таких степеней не превышает шести. Это относится не только к живущим, но и к людям сравнительно недавнего прошлого, скажем два-три поколения назад. Таким образом, каждый человек может выстроить цепочку: от себя к некоему своему знакомому, а тот — к своему другому знакомому, и так далее до любого человека. Самое большее через шесть таких знакомств каждый может соединиться с кем угодно в любой точке планеты. Чтобы было яснее, представьте, что доярка Фрося из деревни Зипуны напишет письмо неизвестному ей папуасу из Новой Гвинеи и пошлёт его не по почте, а передаст из рук в руки через знакомых друг с другом людей, от одного к другому. Так вот, чтобы письмо дошло до папуаса, нужно не более шести таких знакомств. Разумеется, для некоторых профессий, например, журналистов, которые встречаются со многими людьми, число степеней отдаления будет меньше. То есть, если папуасу письмо напишет не Фрося, а скажем редактор журнала «Чайка», то может понадобиться три звена, ну от силы - четыре.

Меня эта концепция очень заинтересовала — это что же значит, всего через парочку друг с дружкой знакомых я окажусь связанным с любой знаменитостью? Хочу, например, с диктатором, скажем со Сталиным, Франко или Пол-Потом, а захочу — и с более приятной личностью, к примеру, с Мэрилин Монро? Ой, как интересно! Разумеется когда степеней отдаления пять или шесть, проследить их вряд ли получится. Иди знай, какие там есть знакомые у знакомых ваших знакомых? Но вот когда степеней мало, есть шанс их выяснить. Что если для забавы покопаться в памяти и найти такие знакомства, которые соединили бы меня с сильными мира сего или ещё с какими-то там примечательными личностями? Искать долго не пришлось и я быстро выстроил несколько коротких цепочек. Уверен, что читатель без труда может сделать то же самое и для себя. Вот несколько таких занятных, что у меня получились.

1. Много лет назад я был знаком с оперативником ЦРУ, который в 1960 году входил в свиту президента США Эйзенхауэра во время его международных поездок. Это значит, что через него от меня до Эйзенхауэра было всего два звена или степеней отдаления: я — *оперативник* — *Эйзенхауэр*. Вот как близко, всего два! Ну а Эйзенхауэр вообще был знаком со многими знаменитостями, например, с маршалом Жуковым и Сталиным. Это значит, что от меня до Жукова или Сталина было всего три степени отдаления.

Впрочем, если ещё порыться в памяти, то к Сталину можно и другую, более короткую цепочку построить. Скажем, вот такую. Когда был я в пионерском возрасте, жил с родителями в коммуналке, единственное окно которой выходило на дом-музей Я.М. Свердлова. Я там иногда бывал на встречах с его вдовой Клавдией Тимофеевной, у которой в том доме-музее была квартира, и даже несколько раз с ней разговаривал. Можно сказать, что я был знаком со вдовой Свердлова. А она в её молодые годы уж совсем хорошо знала и Сталина и Ленина. Это значит, что через неё от меня до этих двух бандитов было всего два звена: я — *она* — *Сталин или Ленин*. Куда уж ближе? Но почему-то эта мысль гордостью моё сердце не переполняет.

2. Лет тридцать назад был у меня в Коннектикуте знакомый бизнесмен Виктор Кайам, который дружил с Джорджем Бушем-Старшим. Виктор владел компанией «Ремингтон», выпускающей электрические бритвы. Помню однажды, когда я был у него в гостях и мы беседовали в его

кабинете в Бриджпорте, Виктору позвонил Буш и они минут десять болтали о всякой чепухе. Буш тогда служил вице-президентом США при президенте Рейгане, а значит от меня до президента оказалось три степени отдаления: *я — Виктор — Буш — Рейган*. Впрочем ровно столько степеней до президента имел каждый, кто знал Виктора, а таких было великое множество. Кайам был очень популярной личностью.

3. Или вот такая цепочка. Лет пятнадцать назад я пошёл в театр на премьеру одной из последних пьес Артура Миллера «*Resurrection Blues*». Как часто бывает в американских театрах — актёры великолепные, оформление чудное, режиссёр хитёр на выдумки, но в целом было скучно и неинтересно. Любое кино или спектакль стоит на фундаменте, который есть киносценарий или пьеса. Если фундамент хилый, ни режиссёр, ни звёзды не спасут от провала. Иными словами, когда пьеса слабая, вытянуть представление совершенно невозможно. Так вышло и тут — Артур Миллер написал неудачную пьесу. Что-ж, такое случается даже с самыми великими. В антракте я пошёл в фойе и вдруг увидел, что в зале на последнем ряду в полном одиночестве с совершенно убитой физиономией сидит сам драматург. Я его сразу узнал (видел раньше много фотографий), хотя он и сильно постарел. Миллер прекрасно понимал, как плохо всё вышло. Мне стало его жалко, я без приглашения подсел рядом, представился и сказал ему какие-то слова утешения, да ещё приврал, что вот лично мне нравится. Он похлопал меня по руке и тихо сказал: «Давайте не будем об этом. Я сам всё прекрасно вижу». Я решил ему не надоедать, поэтому встал, попрощался и ушёл. Выходит — я познакомился с Артуром Миллером, хотя знакомство это длилось не более минуты. Поскольку 40 лет до того он был женат на Мэрилин Монро, стало быть меня от неё отделяло всего два звена: *я — Миллер — Монро*. Ну не занятно ли? После развода с Миллером, Мэрилин с кем только не шустрила, включая братьев Кеннеди. Но для моей арифметики это не считается, так как с президентом Кеннеди она крутила уже после того, как они с Миллером расстались.

4. В тридцатые годы мой тесть Лев Тышков, тогда подросток, жил в Токио, где учился игре на скрипке и давал концерты с симфоническим оркестром. Там он был вхож в верха японской элиты и бывал в гостях у Хидемаро Каное, младшего брата премьер-министра и главного дирижера Токийского оркестра. Каное устраивал домашние приёмы-концерты, куда приглашал всю токийскую знать. Однажды на таком приёме Лев имел удовольствие познакомиться с принцем Чичибу, братом императора Хирохито. Знакомство это было формальное, но они всё же поговорили, хотя я не знаю, какая тема для разговора могла быть у музыкального мальчика и принца с характером самурая. Тем не менее, знакомство было. Значит мой будущий тесть до императора имел всего две степени отчуждения, а я, стало быть, три, то есть: *я — Лев — принц — Хирохито*. Поди знай, как близко можно оказаться к императору, никогда его не встречая!

5. Как-то раз я с женой поехал в небольшое путешествие из штата Коннектикута, где в те годы мы жили. Захотели навестить друзей на Лонг Айлэнде — прямо через пролив от нашего городка Нью Хэйвен. Доехали на машине до паромы в Бриджпорте, переправились через пролив и покатались в гости. После того, как навестили друзей, решили поехать дальше, до самого восточного конца острова. Через некоторое время остановились на заправку в городке Сауфхолд. Залили полный бак и захотели разузнать, что там есть интересного посмотреть в окрестностях. Недалеко от заправочной станции увидели витрину с гитарой за стеклом. Решили зайти и спросить совета. В магазинчике продавались гитары разных размеров и стилей, банджо, барабаны, ноты, струны и вообще всё, что положено для такой музыки. На стене в золочёной рамке висела большая фотография Эйнштейна. Он сидел у берега залива на огромном валуне в белой рубашке и шортах рядом с благообразным господином в костюме и галстуке, что как-то не вязалось с курортным видом великого физика.

За прилавком стоял сам хозяин, седоголовый господин по имени Рон, с которым мы познакомились, разговорились и он нам дал много полезных советов по поездке. Перед тем, как уйти, я показал на

фотографию и спросил его, по какому поводу в гитарном магазине висит фотография Эйнштейна, хотя он, как известно, играл на скрипке, а не на гитаре? Рон усмехнулся и сказал, что вот этот господин в костюме и галстук есть его родной дедушка Давид. В конце тридцатых годов дедушка дружил с Эйнштейном, который несколько лет подряд проводил здесь свои летние каникулы. Дедушка держал в городке хозяйственный магазин и был музыкантом-любителем. У него даже был свой струнный ансамбль, куда он позвал Эйнштейна играть на скрипке и они много вместе музицировали. Разумеется, дедушки Давида давно не было в живых, но Рон оказался весьма разговорчивым и охотно нам рассказал про то, как Эйнштейн проводил лето в их городке и катал дедушку и его самого, тогда подростка, на своей яхте.

Для моего рассказа это значит, что можно выстроить такую занятную цепочку: *я — Рон — Эйнштейн*. Таким образом, через это случайное дорожное знакомство от меня до великого физика оказалось всего две степени отчуждения. А вот это греет сердце.

6. Когда мне исполнилось шесть лет, моя мама решила, что ребёнку пора учить музыке и отвела меня в районную музыкальную школу. Мне там очень понравилось, особенно уроки сольфеджио, где надо было петь ноты. Петь я любил громко. Где-то через месяц директор школы вызвал мою мать и сказал, что так больше продолжаться не может, ибо ребёнок, то есть я, ввиду полного отсутствия музыкального слуха и наличия громкого голоса на уроках сольфеджио так пронзительно и яростно фальшивит, что сбивает с настроя и ритма все три этажа музыкальной школы. Поэтому музыке его учить не надо, а не то он плохо кончит. Из музыкальной школы меня забрали и больше музыке не учили, а потому я жил спокойно следующие лет девять-десять. Но потом, в один прекрасный день, у меня вдруг появилось совершенно непреодолимое желание научиться играть на рояле. Я, пятнадцатилетний балбес, просто сходил с ума от нетерпения и колотил по клавишам, тщетно пытаясь подобрать какую-то мелодию. Мои родители вздохнули и стали искать мне учительницу музыки. Находили таких без труда, но после первого же урока они все сбегали, несмотря на хорошую оплату. Как-то раз моя мать сказала, что придёт к нам одна старенькая учительница, своего рояля у неё нету и потому она будет приходить ко мне на дом.

Когда я вернулся из школы, а родители были на работе, в дверь позвонили. Я открыл и увидел у порога маленькую, очень опрятную старушку лет восьмидесяти, в чёрном старомодном платье. Она вошла и представилась:

— Здравствуйте, меня зовут Софья Андреевна, как жену Льва Николаевича, поэтому запомнить легко. Мы дружили семьями. Моя фамилия Долгорукова.

Я провёл её в комнату, где стояло пианино, и спросил, не родственница ли она князьям Долгоруковым? Она ответила:

— Да, я бывшая княжна Долгорукова. В 1903 году я закончила Смольный институт, а там нас обучали пению и игре на фортепиано. Если пожелаете, могу и вас этому учить.

Я слегка оторопел от того, что меня будет учить княжна. Никогда — ни до, ни после я с князьями не знался. Она была единственная, кто от меня не сбежала, и с бесконечным терпением стала со мной заниматься. Софья Андреевна учила меня играть лишь то, что помнила со времён учёбы в Смольном — увертюры и аккомпанементы к ариям из опер. Сначала показывала сама и, аккомпанируя себе, тонюсеньким голоском пела, запрокинув головку, как птичка. Я особенно запомнил в её грассирующем исполнении арию Мсье Трике из «Евгения Онегина»: *«Какой прелекрасни этот дьень, когда в сей деревьенский сень...»* После урока Софья Андреевна шла на кухню пить чай и беседовать с моей бабушкой. Рассказывала ей про свою тяжкую жизнь после революции, нищенское существование в крохотной комнатёнке, да ещё с гордостью говорила про своего младшего брата Колю, известного художника-плакатиста. Любила она вспоминать про наезды с сёстрами в Ясную Поляну в гости к Толстым. Лев Николаевич был радушным хозяином,

рассказывал им удивительные истории и русские народные сказки, которых знал множество, и вдобавок немножко с девушками флиртовал. Говоря это, Софья Андреевна хихикала, потупляла глазки и прикрывала ротик платочком. На вопрос моей бабушки, есть ли у неё дети, княжна краснела и шептала: «Я девица...».

Сегодня, когда я про это вспомнил, то подумал — а ведь через Софью Андреевну я оказался всего в двух степенях отдаления от самого Льва Толстого! То есть цепочка очень короткая: *я – Софья Андреевна – Граф Толстой*. Как и во многих моих виртуальных связях, отдаление было не только в пространстве, но и во времени.

Такие цепочки щекочат воображение и мысленно как бы приближают нас к великим фигурам, но, положив руку на сердце, это всё же не более, чем забава.

Так что, желаю приятных фантазий.

© Jacob Fraden, 20 August, 2016

San Diego, CA, USA